

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД БОРИСА ЛОМОВА В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Владимир Иванович Коннов

МГИМО МИД России, Москва, Россия
v.konnov@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7292-8850>

Аннотация. В центре внимания статьи исследовательская программа Б.Ф. Ломова, которая рассматривается через призму представлений о российской научной культуре, с учётом нюансов позднесоветского периода. Научная культура анализируется в соответствии с моделью, выделяющей в ней практики как характерный устойчивый образ действий, и паттерны как когнитивные элементы, которые придают культуре целостность. С точки зрения этой модели любая новация предполагает внедрение в культуру новых практик, которые сталкиваются с существующими паттернами. Выделяются три основных паттерна отечественной научной культуры, действовавшие в советский период, которые описываются по аналогии с «темами» С. Московичи в виде формул: (а) «наука — дело государственное», (б) «фундаментальная наука — создание задела для технологий будущего», (в) «наука — самоотверженное служение». Практики же, продвигаемые в рамках программы Ломова, были в значительной степени связаны с американской инженерной психологией, в том числе с образом действий А. Чапаниса, и как таковые сталкивались с принципами организации советского научного комплекса, в том числе и отражающими упомянутые паттерны. Как аспект этого столкновения рассматривается возникшее в советской психологии 1970-х – 1980-х гг. напряжение между сторонниками теории деятельности А.Н. Леонтьева и системным подходом Б.Ф. Ломова. В статье прослеживается связь между этой ситуацией и столкновением практик, продвигаемых Ломовым, с культурой науки позднего советского периода. В рассмотрении этого столкновения объединяются интернальная и экстернальная перспективы: с одной стороны, как его проявление исследуются теоретические противоречия между теорией деятельности и системным подходом, с другой — социально-политические проблемы, связанные с перемещением руководящего центра психологии из АПН СССР в АН СССР, с задачей объединения различных психологических течений в структуре Института психологии, с внедрением новых представлений об организации психологических исследований.

Ключевые слова: научная культура, системный подход, теория деятельности, ИП АН СССР, история психологии

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10123.

Для цитирования: Коннов В.А. Системный подход Бориса Ломова в контексте научной культуры позднесоветского периода // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 15–26. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-15-26>

Research article

BORIS LOMOV'S SYSTEMS APPROACH IN THE CONTEXT OF THE SCIENCE CULTURE OF THE LATE SOVIET PERIOD

Vladimir I. Konnov

MGIMO University, Moscow, Russia
v.konnov@inno.mgimo.ru <https://orcid.org/0000-0001-7292-8850>

Abstract. The focus of the article is the research program of B. F. Lomov, viewed through the prism of Russian scientific culture, while taking into account the nuances of the late Soviet period. Scientific culture is analyzed in accordance with a model that singles out practices as a typical and stable way of doing things, and patterns as cognitive elements that integrate culture into a concise whole. Viewed via this model, any innovation appears to involve introduction of new practices into the culture. That means the risk of the introduced practices colliding with existing patterns. There are three main patterns of the Russian scientific culture that operated in the Soviet period, which are described as formulas analogous with the *themes* of S. Moskvich: (a) science is a state matter, (b) basic science creates groundwork for the technologies of the future, (c) science is a selfless service. The practices promoted within Lomov's program were largely associated with American engineering psychology as practiced by A. Chapanis, and, as such, collided with the organization of the Soviet scientific establishment, built around the patterns mentioned. As a consequence of this contention, the article examines the tension that arose in Soviet psychology in the 1970s and 1980s between the supporters of the activity theory of A. N. Leontiev on one side and B. F. Lomov's systems approach on the other. It draws parallels between this collision and the collision of the practices promoted by Lomov with the patterns of the science culture of the late Soviet period. Both external and internal perspectives are employed: the article examines the theoretical contradictions between the activity theory and the systems approach, and at the same time investigates the context of the theoretical argument: the transfer of the leadership in the psychological science from the Academy of the Pedagogical Sciences to the Academy of Sciences of the USSR, the mosaic outlay of the newly established Institute of Psychology, the influence of new approaches to the organization of research.

Keywords: research culture, systems approach, activity theory, Institute of Psychology of the Academy of Sciences of the USSR, history of psychology

Acknowledgements: The article was prepared with support from the Russian Science Foundation, project No. 18-78-10123.

For citation: Konnov, V. I. (2022) 'Boris Lomov's Systems Approach in the Context of the Science Culture of the Late Soviet Period', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(4), pp. 15–26. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-15-26>

Центральным событием для психологической науки поздней советской эпохи было создание академического Института психологии. Новый институт превосходил по масштабу все ранее существовавшие отечественные психологические учреждения, однако значение события не сводилось к количественному росту. Психология впервые получила представительство в Академии наук, что означало официальное закрепление её «фундаментального» статуса — включение в круг научных дисциплин, создающих фундамент научно-технического развития. Это подразумевало реорганизацию советской психологии: контроль над ней переходил от Академии педагогических наук к «большой» академии. Как любая реорганизация такого рода, этот переход не мог не вызвать определённого напряжения внутри психологического сообщества.

В создании института также просматривалась смена приоритетов психологической науки. Ключевым направлением работы ИПАН должна была стать инженерная психология, что означало поворот от главных для советской психологии вопросов человеческого развития и педагогики. Такой поворот подразумевал сближение психологии с секторами прикладной науки и опытно-конструкторских работ, которое должно было сопровождаться существенным ростом затрат на психологические исследования, связанным с появлением нового института. В перспективе это означало принципиальное изменение облика психологической науки, что, опять же, не могло не породить некоторого беспокойства внутри сообщества психологов.

Однако новаторская роль ИПАН выходила за пределы психологического сообщества. Практики, которые по замыслу директора Бориса Федоровича Ломова должны были стать центральными для

работы нового института, во многом диссонировали с культурой советской науки, и путь к их закреплению и распространению, хотя в перспективе и мог увенчаться успехом, не мог быть бесконфликтным.

Научная культура

В настоящей статье предлагается взгляд на этот процесс с позиций теории национальной научной культуры [Коннов, 2012; Юревич, 2015], которая представлена как возможный метод преодоления разрыва между интерналистским и экстерналистским взглядами на историю науки. Интерналистский подход нацелен как известно на содержание науки, экстерналистский — на контекст её существования, и традиционное понимание их соотношения подразумевает, что контекст оказывает влияние на то, как — быстро или медленно — развивается наука, но он (контекст) не способен влиять на её содержание, которое расширяется по своей внутренней логике, следуя за объективным состоянием природы. Главная попытка преодолеть такое разделение была предпринята в 1970-е гг. В наиболее ярком виде она проявилась в социологии науки, сместившей акцент на микроуровень научной деятельности, на то, как конкретная ситуация, в которой работает учёный, влияет на его решения. Исследования такого рода имели широкий успех, но в них преобладало внимание к ситуативному влиянию, и практически не ставился вопрос об устойчивом влиянии, приобретающем исторический характер, например, со стороны национальной культуры, к которой принадлежит учёный. Этот вопрос попадает в смежное поле между культурологическим и психологическим исследованием, так как любая культура становится устойчивой бла-

годаря тому, что она интернализуется её представителями.

Подходящим инструментом для разработки этой проблемы выступает теоретическая модель культуры, состоящая из двух главных элементов. В ней в качестве базовой составляющей принимается практика как некий устойчивый образ действий. А в качестве обобщающего когнитивного элемента, придающего культуре целостность, рассматриваются паттерны. Такого рода двухзвенные схемы характерны для социокультурной психологии, в которой в качестве упорядочивающих практики элементов рассматриваются «модели реальности» [Shweder, 2003], «интерсубъективные когнитивные схемы» [D'Andrade, 1995], «темы» [Moscovici, 2001] и др. В целом же, эта традиция восходит к культурным паттернам Р. Бенедикт, которая, в свою очередь, основывала эту категорию на «конфигурациях» гештальтпсихологии [Benedict, 1960].

Подход к истории советской психологии с таких теоретических позиций позволяет увидеть в ней процессы, которые ранее не выделялись, но при этом играли важную, а возможно, и определяющую роль. Период, который рассматривается в статье, — это три последних советских десятилетия с 1960-х по 1980-е гг. Исследование сфокусировано на психологической теории этого периода, а в качестве главной фигуры, обеспечивающей точку входа в сеть исторических связей, принимается деятельность Б.Ф. Ломова, и, в первую очередь, его работы, в которых были сформулированы основы системного подхода.

Данный материал рассматривается через призму культурного контекста, в котором функционировала психология. Этот контекст складывается из ряда аспектов: принимается во внимание актуальное на тот момент состояние психологической теории, организационная ситуация в Институте психологии в смысле её связей с содержанием работы Ломова, положение последнего в сообществе советских психологов и в научном сообществе в целом, с учётом того, что состояние дел в этих сообществах напрямую зависело от политических тенденций. Источниками, которые

делают возможной реконструкцию этого культурного контекста, служат публикации в научных и общественных изданиях этого периода, материалы Научного архива Института психологии и Архива Академии наук. Важную роль сыграли интервью с сотрудниками Института психологии — в целом 26 интервью общей продолжительностью более 40 часов.

Характеризуя национальные научные культуры, в качестве их главной особенности следует выделить то, что учёные существуют на пересечении двух культурных полей. С одной стороны, они находятся в национальном культурном поле, с другой — в поле науки, которая выступает подчёркнуто международным предприятием, использует свой особый язык и опирается на особые институты. Пересечение полей создаёт противоречия, как, например, в случае с учёными, участвующими в разработке оружия: это может быть важной национальной задачей, но неизбежно противоречит декларируемой цели мировой науки работать на благо всего человечества. Подобные конфликты вызывают потребность в разрешении, результатом которого становится своего рода сплав культур, образующий особую национальную научную культуру.

В качестве главного когнитивного отображения сложившейся культуры можно выделить паттерны, которые характеризуются аналогично тому, как С. Московичи описывает «темы» — по сути дела, формулы, составляющие ядро социальных представлений [Moscovici, 2001]. И как показывают предшествующие исследования российской научной культуры [Балышев, Коннов, Харкевич, 2014], в ней отчётливо просматриваются, по крайней мере, три паттерна.

В первую очередь, паттерн, который можно выразить формулой «наука — дело государственное». Он проявляется в убеждении, что государство — это единственный реальный источник поддержки научной деятельности, а научные исследования — это одна из главных или даже главная составляющая успешной государственной политики.

Второй паттерн можно сформулировать следующим образом: «Фундаментальная

наука — это создание задела для технологий будущего». Из этой формулы следует, что цели учёного, в конечном счёте, всегда практические. А их оторванность от текущих технических задач, характерная для фундаментальной науки, объясняется лучшим, чем у практиков, пониманием, что станет определяющим в долгосрочной перспективе.

И наконец третий паттерн — «Наука — самоотверженное служение». В качестве основного источника мотивации учёного здесь признается особого рода энтузиазм, который преобладает над личными потребностями и расценивается как вид следования обществу. Представление об исследователе как о предпринимателе или любознательном эксцентрике, ведомом главным образом эгоистическими мотивами, для российских учёных не характерно.

Легко заметить, что по всем этим паттернам отечественная наука отличается от доминирующей в современной мировой науке американской научной культуры. В последней заложены прямо противоположные формулы: предпочтительный партнер для учёных — частные структуры, а сотрудничество с государством всегда связано с риском нежелательного влияния; за фундаментальные исследования принимаются те, которые по определению не связаны ни с какими прикладными задачами; а основным мотивом учёных считается их стремление к личному успеху или любознательность как особенная черта характера.

Новации Ломова

Взгляд с этих теоретических позиций на деятельность Б.Ф. Ломова вскрывает, как, выступая в роли теоретика и вместе с тем организатора науки, он задействовал практики, которые во многом шли вразрез с паттернами отечественной научной культуры.

Истоки этих новаций обнаруживаются в основной для Ломова отрасли инженер-

ной психологии. Его отечественные предшественники на этом направлении хорошо известны [Бодалев, 2007], но не меньшую роль для Ломова играл зарубежный опыт, прежде всего американский. О влиянии американской инженерной психологии говорит и само название направления, которое представляло собой буквальный перевод с английского языка, — по мнению ряда учёных, не очень удачный¹ [Пископель, Щедровицкий, 1980]. И то, какое внимание Ломов уделял зарубежным источникам, отчётливо видно в его программной книге «Человек и техника» [Ломов, 1966], почти половину библиографии которой составляют иностранные работы, главным образом американские. Для психологической публикации это было необычным, так как именно психология считалась одним из успешных примеров построения оригинальной советской науки, развивавшейся в значительной степени автономно от западной теории. И показательно, что открытое использование Ломовым зарубежных источников до сих пор может ставиться ему в упрек [Смолян, 2017: 627].

Библиография книги «Человек и техника» также указывает, на кого именно из американских инженерных психологов ориентировался Ломов. И по числу источников, и по количеству упоминаний в тексте первое место занимает Альфонс Чапанис, которого в одной из статей того же периода Ломов характеризует как «главу американской инженерной психологии» [Ломов, 1970: 38]. Учитывая, что Ломов претендовал на аналогичное лидерство в Советском Союзе, резонно предположить, что он мог рассматривать подходы Чапаниса как образец.

Чапанис же представляет определённую ветвь инженерной психологии. Его работы сосредоточены главным образом на проблемах взаимодействия человека с системами управления. Он определённо предпочитал прикладные задачи: два самых известных его изобретения — рукоятки разной формы, различимые на ощупь,

¹ Стенограмма заседания секции общественных наук АН СССР 6 декабря 1979 г. АРАН. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 287. Л. 73.

для управления самолетами и разработка четырёхрядного расположения кнопок на панели телефона, которое стало мировым стандартом.

Чапанис в своих воспоминаниях пишет: несмотря на то, что он долгое время проработал в Университете Джонса Хопкинса, в университетской фундаментальной науке ему так и не удалось стать своим [Charanis, 1999]. При этом успех Чапаниса в прикладной работе во многом был результатом его усилий по продвижению, а можно сказать, и рекламе своего направления: он постоянно выступал на самых разных технологических конференциях, настойчиво продвигал свои публикации в популярных изданиях и непрерывно искал новые отрасли, в которых могли быть востребованы результаты его исследований. Стиль же его работы характеризовался тем, что во главу угла ставились интересы заказчика. Характерно, что, по его собственным словам, такой подход к работе он вынес из опыта военной службы. Первые исследования Чапаниса были нацелены на решение военных задач, а в дальнейшем вооруженные силы оставались для него одним из важнейших клиентов на протяжении всей его исследовательской карьеры.

Возвращаясь к Ломову, нужно подчеркнуть, что его исследовательская программа складывалась в начале 1960-х гг, и применительно к этому периоду то, что американский предприниматель от науки мог служить ориентиром для советского учёного, не представляло чего-то из ряда вон выходящего. В советской науке в это время разворачивается целое движение «американизаторов», как охарактеризовал его американский социолог Р. Видмер [Vidmer, 1980]. Определяющим для этого движения была политика возвращения к «ленинским принципам», провозглашенная Хрущевым, в рамках которой он делал, в частности, такие заявления: «Нам следует помнить указание В.И. Ленина — уметь, если нужно, учиться у капиталистов, пере-

нимать то умное и выгодное, что у них есть»². Эта политика открыла путь целому ряду научных новшеств, самым заметным среди которых была вначале реабилитация, а потом и стремительный рост кибернетики, представлявшей собой, как известно, американское изобретение.

Подобное отношение к зарубежной науке пошло на спад после снятия Хрущева, и ситуация конца 1960-х, когда Ломов занимался продвижением проекта Института психологии, уже менее располагала к использованию американского опыта. Однако и в том, как институт был организован, и какие приоритеты задавал его директор, черты, схожие с инженерной психологией по Чапанису, определённо просматриваются.

Прежде всего, по собственному свидетельству Ломова, его первоначальным проектом был институт инженерной психологии [Ломов, 1991]. Эту позицию пришлось пересмотреть главным образом потому, что Академия наук позиционировалась как учреждение именно фундаментальной науки. Тем не менее, Ломов сохранил нацеленность на прикладные работы, и активно работал над поиском заказов, постоянно расширяя круг своих партнёров. В этом смысле стиль его работы был похож на стиль Чапаниса, а по масштабу работ, в которые он был вовлечён, Ломову удалось превзойти своего американского коллегу, в первую очередь, благодаря участию в советской космической программе.

Но такой образ действий очевидно конфликтовал с обозначенными выше паттернами отечественной научной культуры. Прежде всего, необходимые для научного консультанта гибкость и готовность подстраиваться под нужды заказчика плохо сочетаются с образом полностью захваченного своими идеями учёного. Где есть гибкость, всегда можно заподозрить неискренность, и это сразу же ставит под сомнение идеальный образ. А необходимость соответствовать этому образу восприни-

² Хрущёв Н.С. Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством // Правда. — 1962. — 20 ноя. — С. 3.

мается в отечественной науке предельно серьёзно. Можно привести в пример сборник «Наука России в лицах», в котором были собраны биографические статьи из Вестника Академии наук. Самоотверженность в служении своим идеям упоминается практически в каждом очерке на протяжении шести томов [Российская наука в лицах, 2003-2009].

Нацеленность на поиск прикладных работ по широкому спектру также плохо сочеталась с формулой государственной науки. Советская наука, как и советская экономика, представляла собой единый комплекс, подчинённый планированию. Такая организация подразумевала упорядоченное перемещение результатов из фундаментальной науки в прикладную. Существенным пороком этой системы была медлительность, но в то же время она давала преимущества в проведении долгосрочных масштабных проектов.

В этом контексте то, как работал Институт психологии, выделяло его и в гуманитарном блоке академии, и среди других психологических организаций. Конечно, нельзя сказать, что привлечение заказов на прикладные работы было чем-то уникальным, но практически ни одна организация не пересекала дисциплинарные и отраслевые границы так явно и так часто, как это делал Институт психологии. В этом не было формального нарушения, но по сути такой образ действий шёл вразрез с логикой вертикально организованного научно-го комплекса.

Проблема возникала и с представлениями о государственной науке, преобладавшими в научном сообществе. Для психологов двумя главными направлениями участия в государственных делах были, во-первых, образование, а, во-вторых, идеология. Именно в таком виде психология функционировала под патронажем Академии педагогических наук в послевоенные десятилетия. Для Ломова же обе области явно не были приоритетными. Он открыто говорил о том, что педагогическую пси-

хологию следует оставить за АПН [Ломов, 1979]. Что же касается идеологии, то в ней Институт психологии, можно сказать, выполнял необходимый минимум, обеспечиваемый сектором социальной психологии во главе с Е.В. Шороховой, но сверх этого никаких инициатив по усилению роли психологии в решении идеологических вопросов Ломов не выдвигал (за что в 1983 г. на заседании президиума Академии наук его упрекал директор Института марксизма-ленинизма А.Г. Егоров³).

С точки зрения старшего поколения советских марксистов такая линия могла рассцениваться как оппортунистическая. Получалось, что новый институт официально провозглашённый головным в стране, занимается не закреплёнными за психологией государственными задачами, а работает с заказчиками из областей, официально с психологией никак не связанными. И при этом концентрирует на этих работах ресурсы, кратно превосходящие те, которые доступны психологии для решения её, казалось бы, главных задач.

Модель Ломова также расходилась с пониманием фундаментальной науки как нацеленной на прикладные результаты в отдалённой перспективе. В упомянутых выше интервью с сотрудниками Института психологии звучало, что в частных разговорах Ломов объяснял обилие заказных (зачастую технических по своему содержанию) работ тем, что таким образом обеспечиваются ресурсы, необходимые для того, чтобы сотрудники могли заниматься исследованиями, интересными им самим. Такое понимание соотношения фундаментальных и прикладных исследований является типичным для англо-американской науки, и расходится с представлением, согласно которому вся наука в конечном счёте подчиняется практическим задачам, пусть в фундаментальном секторе учёные и имеют дело с проблемами, которые можно будет решить только в отдалённой перспективе.

Таким образом, модель научной работы, которая продвигалась в Институте пси-

³ Стенограмма заседания Президиума АН СССР 26 мая 1983 г. АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 864. Л. 76.

хологии под руководством Ломова, была попыткой обновления отечественной психологии, наметившейся ещё в начале 1960-х гг., и которая, как и аналогичные попытки в других научных дисциплинах, а также в экономике, встретила сопротивление.

Это было ключевым для развития психологической теории 1970-х гг., в которой, как известно, существовало напряжение между теорией деятельности А.Н. Леонтьева и системным подходом Ломова. Ситуация не переходила в публичные столкновения, и в принципе это была по большей части заочная дискуссия. В публикациях обоих психологов нет личных выпадов, но некоторые из их текстов дают понять, что это было вполне осознанным соперничеством [Леонтьев, 1983; Ломов, 1977]. Ещё более отчётливые свидетельства можно обнаружить в стенограммах различных заседаний — учёного совета Института психологии⁴, Отделения философии и права⁵ и др. Но даже здесь конкуренция чаще проявляется в форме подчёркнутых умолчаний или критики некоторых научных течений без указания, кому именно эта критика адресуется. Леонтьев, например, в своих выступлениях последовательно увязывал системный подход с позитивизмом⁶ — ход совсем не безобидный, учитывая, что в советской идеологии позитивизм трактовался как «реакционная доктрина» [Гулыга, 1955].

Конкуренция между теориями обострилась после смерти Леонтьева в 1979 г. Его место во главе факультета психологии МГУ занимает коллега Ломова по Ленинградскому университету А.А. Бодалёв. Это, с одной стороны, усиливает положение ленинградцев, но одновременно вызывает рост напряжения между, условно, ленинградской и московской школами. По-видимому,

именно такое обострение вынуждает Ломова выступить уже с открытой критикой теории деятельности [Ломов, 1981].

Изучение контекста этих событий показывает, что к этому конфликту было много предпосылок. Прежде всего, к нему толкало то, что советская идеология исключала возможность плюрализма теорий. Как было сказано в партийном учебнике 1970-х гг., плюрализм — это «антинаучное измышление»⁷. Естественно, такие установки прямо провоцировали конфликты между научными школами.

Напряжение также возникло из-за перехода контроля над советской психологией от АПН к институту «большой академии», и непосредственно от Леонтьева, который в 1960-е был вице-президентом АПН, курировавшим психологию, к Ломову, который стал директором нового головного института. Подобные перемещения центров влияния редко проходят бесконфликтно.

Но сопротивление Ломова закреплению теории деятельности в качестве общей теоретической рамки для всей советской психологии было также связано и с её содержанием. Будучи не просто формально, а содержательно марксистской, она фактически принимала положение, согласно которому человека можно изучать только в развитии, соответственно, только исторически. Этот взгляд вполне подходил для психологии развития, и применительно к ней признавался оригинальным и продуктивным, в том числе и на Западе. Но его утверждение в качестве рамочной теории создавало барьер, препятствующий восприятию ряда динамично развивавшихся направлений мировой психологии 1970-х гг. Прежде всего это касалось когнитивной психологии, которая была в своей основе феноменологической, а значит несовместимой с марксизмом: в марксизме

⁴ Стенограмма заседания Учёного совета Института психологии АН СССР 7 марта 1973 г. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 9. Л. 7–88.

⁵ Стенограмма заседания бюро отделения философии и права АН СССР 30 марта 1976 г. АРАН. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 159.

⁶ Стенограмма заседания Учёного совета Института психологии АН СССР 7 марта 1973 г. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 9. Л. 16; Стенограмма заседания бюро отделения философии и права АН СССР 30 марта 1976 г. АРАН. Ф. 1844. Оп. 1. Д. 159. Л. 48.

⁷ Диалектический и исторический материализм / Под ред. С.М. Ковалева. — Москва: Политиздат, 1971. — С. 174.

феноменология трактовалась как ответвление идеализма, т.е. однозначно буржуазное учение.

Как всякая марксистская концепция, теория деятельности была по своей сути монистической, предполагавшей сведение всех исследуемых феноменов к одному базовому элементу. Институт же психологии возник как объединение школ. В 1972 г. в его состав были целиком переведены два подразделения из других научных организаций — Лаборатория дифференциальной психофизиологии из НИИ общей и педагогической психологии и Сектор философских проблем психологии из Института философии, возглавляемые соответственно В.Д. Небылицыным и Е.В. Шороховой. В институт также была включена Лаборатория нейрофизиологических основ обучения, научным руководителем которой выступал академик П.К. Анохин и в который работали в основном выходцы из Института нормальной и патологической физиологии Академии медицинских наук [Белопольский, Журавлев, Костригин, 2020]. И, наконец, сам Ломов представлял инженерную психологию — направление, которое привлекло множество специалистов с техническим образованием, ориентированных на то, чтобы рассматривать человека и технику через общий набор показателей как систему «человек-машина». Подходы, которых придерживались эти группы, отличались друг от друга практически по всему: по методам, по критериям, предъявляемым к результатам, по теоретическим основаниям. Говоря терминами Т. Куна, они были несоизмеримыми.

Такая комбинация ставила перед Ломовым непростую задачу. С одной стороны, учредительными документами института ему прямо предписывалось сформировать общую теоретико-методологическую базу для советской психологии⁸. С другой — он зависел от поддержки каждой из групп, и конфликт, который могли спровоцировать попытки навязать им некий искусствен-

ный стандарт, явно был не в интересах института. Выход из этой дилеммы Ломов находит в использовании системного подхода. Теория систем была ему изначально близка — как и инженерная психология, она напрямую связана с таким сложившимся в военные годы направлением, как системотехника. А её безусловным преимуществом была изначальная множественность перспектив. Систему всегда можно рассматривать как совокупность подсистем, значение каждой из которых сводится к её влиянию на систему в целом без необходимости рассматривать её внутреннее устройство. Такая перспектива позволяет развивать разные психологические отрасли — психофизиологию, личностную психологию, социальную психологию и т.д. — без необходимости сводить их к какому-то одному стандарту. В контексте советской научной культуры это было важным преимуществом.

В истории конкуренции между теорией деятельности и системным подходом также отразились принципиальные перемены в исследовательской практике психологии, т.е. смена парадигм в узком, собственно куновском понимании этого термина. Фактически произошел переход от психологической лаборатории, как она сложилась в конце XIX в., к промышленной лаборатории. Прообраз классической лаборатории подразумевает профессора с несколькими ассистентами, которые работают с небольшим числом испытуемых и при необходимости самостоятельно конструируют оборудование. Результаты же опытов сводятся преимущественно к тем данным, которые можно собрать путём непосредственного наблюдения [Smith, 1997].

Переход к промышленной модели произошёл после Второй мировой войны, сначала благодаря расширению промышленного производства медицинского, а затем непосредственно исследовательского оборудования, и в дальнейшем — благодаря появлению компьютерной техники.

⁸ Постановление Президиума Академии науки Союза ССР об организации Института психологии АН СССР 16 декабря 1971 г. АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 864. Л. 18.

Закупки и обслуживание оборудования требовали значительных средств, что означало фактическую невозможность лабораторий нового типа функционировать без устойчивого внешнего финансирования. Это привело к пересмотру представлений о профессиональном продвижении психолога. Если раньше подразумевалось, что в этой специальности вполне возможно продемонстрировать новаторские результаты самостоятельно, без внешней поддержки, и лишь показав такие результаты, следует претендовать на государственные или частные средства, которые обеспечивались либо путём назначения на профессорскую должность, либо путём учреждения лаборатории, то теперь складывалась ситуация, в которой заниматься передовой исследовательской работой без устойчивого финансирования становилось затруднительным. В советском же контексте найти масштабное финансирование для фундаментальных исследований за пределами академического сектора было практически невозможно.

Заключение

Взгляд на ситуацию, складывающуюся в советской психологии, через призму национальной научной культуры, открывает

следующую картину. К 1960-м гг. марксистское мировоззрение по крайней мере отчасти ассимилировалось национальной культурой. Этот процесс сближения породил ряд ярких феноменов, в том числе и в науке, среди которых выделялась советская психология. Однако сближение не означало прекращение внутренней динамики культурного поля, которая продолжалась в виде борьбы тенденций к стабилизации и к обновлению. В науке путь к обновлению виделся преимущественно в сближении с западными образцами. И одним из главных проводников этой тенденции стал Б.Ф. Ломов, активно продвигавший новые практики психологического исследования.

Процесс их внедрения в научную культуру шёл хотя и не беспрепятственно, но результативно. Однако это развитие оказалось оборвано политическими событиями, которые катастрофически сказались на состоянии науки. В общем-то, в психологии отразилась общая история коллапса советской системы: и консерваторов, и реформаторов смели радикалы. Как отражение рыночного радикализма в психологии можно рассматривать историю раскола между академической и терапевтической психологией. Но этот эпизод относится уже к другому периоду.

Список литературы:

- Балышев А.В., Коннов В.И., Харкевич М.В. Ценностные ориентиры экспертов РФФИ: Опыт когнитивного картирования // Социологические исследования. — 2014. — № 3. — С. 94–106.
- Белопольский В.И., Журавлев А.Л., Костригин А.А. История организации и начало деятельности Института психологии АН СССР в документах и воспоминаниях современников // Психологический журнал. — 2020. — Т. 41, № 5. — С. 97–107. <https://doi.org/10.31857/S020595920011085-9>
- Бодалев А. А. Борис Федорович Ломов — воспитанник ленинградской психологической школы и талантливый продолжатель ее традиций // Психологический журнал. — 2007. — Т. 28, № 3. — С. 14–16.
- Гулыга А.В. Возникновение позитивизма // Вопросы философии. — 1955. — №6. — С. 57–69.
- Коннов В.И. Характеристика российской научно-исследовательской культуры: возможности социально-психологического подхода // Вопросы психологии. — 2012. — №4. — С. 3–12.
- Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность // Избранные психологические произведения. Т. 2. — Москва: Педагогика, 1983. — С. 94–231.
- Ломов Б.Ф. Выступление на торжественном собрании, посвященном 15-летию образования Института психологии АН СССР // Психологический журнал. — 1991. — Т. 12, № 4. — С. 16–26.
- Ломов Б.Ф. Инженерная психология // Наука и человечество. — Москва: Знание, 1970. — С. 38–55.

- Ломов Б.Ф. К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. — 1981. — Т. 2, № 5. — С. 3–22.
- Ломов Б.Ф. О состоянии и перспективах развития психологической науки в СССР // Вопросы психологии. — 1977. — № 5. — С. 9–24.
- Ломов Б.Ф. Психология в системе наук и в общественной практике // Вестник АН СССР. — 1979. — № 6. — С. 35–45.
- Ломов Б.Ф. Человек и техника: Очерки инженерной психологии. — Москва: Советское радио, 1966. — 464 с.
- Пископпель А.А., Щедровицкий Л.П. Инженерная психология или эргономика? // Вопросы психологии. — 1980. — № 3. — С. 88–101.
- Российская наука в лицах: кн. 1–4; вып. 5–6. — Москва: Academia, 2003–2009.
- Смолян Г.Л. В.П. Зинченко и становление инженерной психологии в СССР // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — № 4. — С. 626–643. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-4-626-643>
- Юревич А.В. Имеет ли наука национальные особенности // Психологический журнал. — 2015. — Т. 36, № 1. — С. 123–132.
- Benedict R. *Patterns of Culture*. — New York: Mentor Books, 1960. — 254 p.
- Chapanis A. *The Chapanis Chronicles: 50 Years of Human Factors Research, Education and Design*. — Santa Barbara: Aegean Publ., 1999. — 255 p.
- D'Andrade R.G. *The Development of Cognitive Anthropology*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995. — 272 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139166645>
- Moscovici S. *Social Representations: Essays in Social Psychology*. — New York: New York University Press, 2001. — 313 p.
- Shweder R. *Why Do Men Barbecue?: Recipes for Cultural Psychology*. — Cambridge: Harvard University Press, 2003. — VIII, 419 p.
- Smith R. *The Norton History of the Human Sciences*. — New York: W.W. Norton Company, 1997. — 1036 p.
- Vidmer R.F. *Management Science in the USSR: The Role of "Americanizers"* // *International Studies Quarterly*. — 1980. — Vol. 24, № 3. — P. 392–414. <https://doi.org/10.2307/2600253>

References:

- Balyshev, A. V., Konnov, V. I. and Kharkevich, M. V. (2014) 'Value Orientations of the RFBR Experts: a Cognitive Mapping', *Sociologičeskie issledovaniâ*, (3), pp. 94–106. (In Russian).
- Belopol'sky, V., Zhuravlev, A. and Kostrigin, A. (2020) 'The History of Organization and Beginning of Activity of the Institute of Psychology of the Soviet Academy of Sciences in Documents and Memories of Contemporaries', *Psihologicheskii zhurnal*, 41(5), pp. 97–107. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S020595920011085-9>
- Bodalev, A. A. (2007) 'Boris F. Lomov — Alumnus of Leningrad Psychological School and its Traditions Talanted Successor', *Psihologicheskii Zhurnal*, 28(3), pp. 14–16. (In Russian).
- Chapanis, A. (1999) *The Chapanis Chronicles: 50 Years of Human Factors Research, Education and Design*. Santa Barbara: Aegean Publ.
- D'Andrade, R. G. (1995) *The Development of Cognitive Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139166645>
- Gulyga, A. V. (1955) 'Vozniknovenie pozitivizma [Emergence of positivism]', *Voprosy Filosofii*, (6), pp. 57–69. (In Russian).
- Konnov, V. I. (2012) 'The Characteristics of the Russian Research Culture: The Possibilities of the Social-Psychological Approach', *Voprosy psihologii*, (4), pp. 3–12. (In Russian).
- Leontiev, A. N. (1983) 'Deiatel'nost', soznanie, lichnost' [Activity, Consciousness, Personality]', in *Izbrannye psihologicheskie proizvedeniia. T. 2 [Selected Psychological Works. Vol. 2]*. Moscow: Znanie Publ., pp. 94–231. (In Russian).

- Lomov, B. F. (1966) *Chelovek i tekhnika: Ocherki inzhenernoy psikhologii [Man and technology: Essays on engineering psychology]*. Moscow: Sovetskoe radio Publ. (In Russian).
- Lomov, B. F. (1970) 'Inzhenernaia psikhologiya [Engineering Psychology]', in *Nauka i chelovechestvo [Science and Humanity]*. Moscow: Znanie Publ., pp. 38–55. (In Russian).
- Lomov, B. F. (1977) 'O sostoianii i perspektivakh razvitiia psikhologicheskoi nauki v SSSR [On the Current State and Prospects of the Development of the Psychological Science in the USSR]', *Voprosy psikhologii*, (5), pp. 9–24. (In Russian).
- Lomov, B. F. (1979) 'Psikhologiya v sisteme nauk i v obshchestvennoi praktike [Psychology in the System of Sciences and in Social Practice]', *Vestnik AN SSSR*, (6), pp. 35–45. (In Russian).
- Lomov, B. F. (1981) 'On the Problem of Human Activities in Psychology', *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2(5), pp. 3–22. (In Russian).
- Lomov, B. F. (1991) 'Vystuplenie na torzhestvennom sobranii, posviashchenom 15-letiiu obrazovaniia Instituta psikhologii AN SSSR [The Address at the Official Meeting in Honor of the 15th Anniversary of the establishment of the Institute of Psychology of the AS USSR]', *Psikhologicheskii Zhurnal*, 12(4), pp. 16–26. (In Russian).
- Moscovici, S. (2001) *Social Representations: Essays in Social Psychology*. New York: New York University Press.
- Piskoppel, A. A. and Shchedrovitsky, L. P. (1980) 'Inzhenernaia psikhologiya ili ergonomika? [Engineering psychology or ergonomics]', *Voprosy psikhologii*, (3), pp. 88–101. (In Russian).
- Rossiiskaia nauka v litsakh: kn. 1-4; vyp. 5-6. [Russian Science in Personalities: Books 1-4; Issues 5-6]* (2002-2009). Moscow: Academia Publ. (In Russian).
- Shweder, R. (2003) *Why do men barbecue?: Recipes for cultural psychology*. Cambridge: Harvard University Press.
- Smith, R. (1997) *The Norton History of the Human Sciences*. New York: W. W. Norton Company.
- Smolyan, G. L. (2017) 'Vladimir Zinchenko and the Making of the Industrial Psychology in USSR', *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 14(4), pp. 626–643. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-4-626-643>
- Vidmer, R. F. (1980) 'Management Science in the USSR: The Role of "Americanizers"', *International Studies Quarterly*, 24(3), pp. 392–414. <https://doi.org/10.2307/2600253>
- Yurevich, A. V (2015) 'Whether the Science Has National Features?', *Psikhologicheskii Zhurnal*, 36(1), pp. 123–132. (In Russian).

Информация об авторе

Владимир Иванович Коннов — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Vladimir I. Konnov — PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Philosophy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 14.10.2022; одобрена после рецензирования 11.11.2022; принята к публикации 20.11.2022.

The article was submitted 14.10.2022; approved after reviewing 2022; accepted for publication 15.11.2022.